

Алена
МОСКОВСКАЯ

МУЖ НА ЧАС

ТАРИФ *Новогодний*

Алена Московская

Муж на час. Тариф Новогодний

«Литнет»

2025

Московская А.

Муж на час. Тариф Новогодний / А. Московская — «Литнет», 2025

МОЯ НОВИНКА "ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ОФИЦЕРА" — Хочешь так и прожить всю жизнь одна? Крест на себе поставить? Я сражена, потому что это правда. Но все равно отрицательно мотаю головой. — Ты решил меня добить? — слезы непроизвольно выступают. — Добиваешь ты себя сама, Люд. Лучше прими факт того, что я уже здесь и никуда не уйду. — Нет! Так нельзя, Гоша! Я ещё не оправилась после предательства мужа и уж точно не готова сейчас воскрешать чувства, которые должны остаться в юности. Муж бросил меня в прямо в канун Нового года и вот уже в третий раз я встречаю его одна. Так еще и судьба подкинула сюрприз в виде прорыва трубы и потопа в ванной. Я смогла вызвать подмогу в преддверии боя курантов, только вот на пороге моей квартиры оказался не муж на час, а моя первая любовь, с которой я не виделась тридцать лет. Новогодние чудеса случаются. Так может и наша встреча с ним оказалась не случайной? ХЭ♥#Камерная новогодняя история с характером. Не забывайте добавлять книгу в БИБЛИОТЕКУ и нажимать МНЕ ПРАВИТСЯ.♥# Это лучший подарок для автора♥#

© Московская А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	24
✱ Глава 9 ✱	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1

Людмила

Очередное ничем не примечательное пасмурное утро.

Я сижу за кухонным столом и пью кофе, который уже почти остыл.

Передо мной тарелка с яичницей. Я ковыряю ее вилкой, раздвигаю желток, ломаю белок на мелкие куски и снова собираю их в одну кучу.

Ем медленно, через силу. Не потому что хочу что-то другое, а потому что так надо, но аппетита нет от слова совсем. Тем не менее, организм должен получить свое, даже если внутри пусто.

Телевизор включен. Там идет какая-то предновогодняя передача: ведущие улыбаются, кто-то поет, мелькают блестящие декорации. Я не вслушиваюсь. Этот звук нужен мне только фоном, только для того, чтобы в квартире не было полной тишины. Ведь она давит сильнее любых слов. Особенно сегодня.

Мысли снова и снова возвращают меня в одно и то же место, в один и тот же вечер. Я не зову их. Они приходят сами. И вот уже на пороге третий Новый год, который перестал быть для меня праздником. Сегодня это не открытие для меня, не что-то удивительное. Просто факт, который нельзя отрицать. Дата, от которой не получается отвернуться. И, вероятно, не получится.

Три года назад, тридцать первого декабря, мой муж с нескрываемой гордостью озвучил, что будет встречать этот Новый год с другой женщиной. С молодой и красивой. С пылкой и манящей.

Он произнес это с таким удовольствием, даже не пытаясь как-то сгладить этот момент. Да и можно ли было его сгладить? Чем?

Он зашел лишь на минуту, не снимая куртки, не выпуская ключей из рук. Он даже не сел. Просто забежал между делом донести до меня простую, но разбивающую на пополам мое сердце, суть.

Сказал, что я ему больше не нужна. Что дети выросли. Что все уже давно между нами понятно, а я в этом доме лишь отработанный материал. И оставаться в нем дальше он не намерен.

Я тогда смотрела на его лицо, не в силах внимать его жестких фраз, которые попросту не могли уложиться в моей голове. Я стояла в состоянии шока. В ступоре.

А напротив был не он. Лицо его. Куртка его. Шарф его. Все его. Только вот слова лились из уст не его голосом. В нем не было привычной мягкости, чувственности, теплоты. Даже глаза показались мне тогда чужими.

В тот злосчастный праздничный вечер они были наполнены явно не тем, чем раньше. Не тем, чем я их наполняла долгие двадцать семь лет.

Сейчас же эти глаза всплывают передо мной отчетливо. Раз за разом. Я вижу эти картинки, как киноленту: как у него дернулась щека, как он отвел взгляд, как он сказал мне свои последние слова.

Я тогда ничего не ответила. Ничего не спросила. Просто стояла, пыталась слушать, но не сообщала.

Вилка царапает тарелку. Я понимаю, что делаю это слишком резко, и заставляю себя замедлиться. От яичницы осталась половина. Кусок в рот не лезет. Желудок сжимается от неприятного ощущения, но я делаю еще пару глотков кофе и отправляю в рот маленький кусок. Он плохо проходит. Я жую долго, без удовольствия.

Так и хочется сказать:

— Я Людмила Сафронова, мне сорок семь лет и этот чудесный семейный праздник, наполненный волшебством, я встречу в гордом одиночестве. — неспешно оглядываю все вокруг себя и добавляю. — Разве что елка и оливье любезно составят мне компанию.

Но уже привычно. Дети давно живут в Москве. Два сына и дочь. У них своя жизнь, работа, планы, амбиции. Они, конечно, звонят, пишут, поздравляют, поддерживают всячески. Я знаю, что они меня любят. Но сегодня они не здесь. Не со мной. Да и я не там. Я здесь, остаюсь одна в этой квартире, где каждый угол так и нарочит напомнить мне о том, что раньше здесь все было по-другому.

— Надо хоть пару закусок сделать... — произношу сама себе под нос. — Не сидеть же с голым столом.

Уже знаю, что они в меня не полезут. Я все равно их сделаю, потому что так принято, когда рука сама тянется к привычным действиям. Однако они не вернут мне того самого трепетного ожидания чуда, не вернут банальной радости. Остается только тяжесть, которая сидит где-то глубоко и не отпускает.

Я снова смотрю в тарелку и понимаю, что дальше есть не смогу. Отодвигаю ее в сторону. Кофе допивать тоже не хочется, но кружку я пока не убираю. Пусть стоит. Пусть хоть что-то будет возле меня.

С самого утра все идет наперекосяк.

Еще не успеваю до конца проснуться, как телефон дергается на столе. Смотрю на экран и сразу понимаю — ничего хорошего не жди. Работа. Конечно же работа. Кто же еще может вспомнить обо мне в такой прекрасный день...

Беру трубку. Коллега по несчастью тараторит быстро, сбивчиво, смешивая слова в одну кучу, но суть уловима: снова не сошлись цифры. Снова не подбили отчеты. Снова кто-то не перерасчитал зарплату.

Я слушаю ее и чувствую, как внутри поднимается знакомое раздражение, смешанное с усталостью. У нас всегда так. Ничего не делается вовремя, все в последний момент, все через одно место. И, разумеется, крайней остаюсь я.

Ну а кто еще то?

Люда приедет. Люда всех выручит. У Люды же нет других забот в канун нового года, как мчаться на работу и прикрывать чужие хвосты.

Я должна была сегодня выспаться. Хотя бы попытаться. Хотела выйти на рынок, пройти между торговых рядов, купить мандаринов, конфет, хоть что-нибудь, что сможет как-то согреть меня. Внутренне. Хотела на пару часов сделать вид, что впереди праздник, а не очередной день, который нужно просто пережить. Эти планы рушатся сразу, без прелюдий, без драматических пауз. Нет и все. Не получится и точка.

Я одеваюсь на автомате. Куртка, шарф, сумка. Проверяю, выключен ли свет, хотя прекрасно знаю, что выключен. Закрываю дверь и спускаюсь вниз, уже мысленно прокручивая цифры, ведомости, бесконечные таблицы. Праздничное настроение остается где-то там, в теории, вместе с мандаринами.

Маршрутка набита людьми. Кто-то едет с пакетами, кто-то с елкой, кто-то с подарками, завернутыми в блестящую бумагу. Я протискиваюсь внутрь и встаю, держась за поручень. Машина дергается, ползет в пробке. За окном серый город, который спешит, нервничает, сигнализирует. Я ловлю себя на мысли, что мне уже все равно, сколько времени мы будем ехать. Я все равно доеду. Я всегда доезжаю и добросовестно исполняю то, что от меня ожидают.

В голове прокручивается картинка: наш начальник, пристарелый, довольный, получающий свою тринадцатую зарплату под бой курантов. Он улыбнется, пожмет кому-то руку, скажет пару громких фраз о команде и прошедшем годе, а потом укатит на Мальдивы со своей очередной молодой страстью. Для него Новый год — это чемодан, самолет и теплый океан. Для меня же — маршрутка, пробки и чужие косяки, которые нужно срочно исправить.

Я смотрю в окно и думаю о том, насколько это все далеко от моей жизни. Как другая планета. Будто я смотрю через призму на чужую реальность, к которой не имею никакого отношения. Маршрутка снова дергается и останавливается. Я сильнее сжимаю сумку и просто жду, когда мы наконец доберемся до моего офиса.

Глава 2

Людмила

Я снова проваливаюсь в свои мысли и не сразу понимаю, что происходит вокруг. Маршрутка качается, кто-то наступает мне на ногу, кто-то ругается, но все это проходит мимо. Я хватаюсь изо всех сил за поручень, чтобы не упасть и думаю о том, что день мог бы быть другим. Мог бы. Если бы не звонок. Если бы не работа. Если бы вообще многое в моей жизни сложилось иначе.

Голос рядом выдергивает меня резко, неприятно.

— Я тебе сказала, не лезь туда!

Я вздрагиваю и поворачиваю голову. Рядом сидит бабушка, маленькая, сухонькая, в старом пуховике. Рядом с ней мальчик, внук, судя по всему. Он тянется к пакету на полу, шуршит фантиками.

— Бабуль, ну я просто посмотрю, — ноет он.

— Нечего смотреть! Дома посмотришь!

Она дергает его за рукав, он хмурится, обиженно сопит. Мужчина с елкой, стоящий напротив, неловко поворачивается, елка задевает кого-то веткой.

— Осторожнее, — говорит женщина сбоку и нервно смеется.

— Да куда уж осторожнее, — бурчит мужчина. — Не автобус, а базар.

Несколько человек смеются. Бабушка вспыхивает:

— Смеяться все горазды, а помочь никто не хочет!

Мальчик краснеет, опускает глаза. От этой сцены внутри что-то неприятно сжимается. Вроде бы смешно, вроде бы обычная бытовая возня, но на душе становится тяжело.

Праздники. Одним словом. Они встретят их со своими семьями, с близкими людьми, с любимыми... А я...

И только в этот момент я понимаю, что за окном мелькает моя остановка. Сердце дергается.

— Мне выходить! — протягиваю я, повышая голос.

Мужчина с елкой прижимает меня сильнее, пытаюсь развернуться. Елка упирается мне в плечо, сетка цепляется за сумку.

— Куда ж вы все разом, — ворчит он.

— Я остановку чуть не проехала, — выкраиваю я, пытаюсь выбраться наружу.

Двери открываются, я буквально вываливаюсь на дорогу и делаю шаг на тротуар. Маршрутка тут же уезжает, оставляя за собой шум, загазованность и суету.

На улице ажиотаж. Люди спешат по своим предновогодним делам. Семьи, пары, дети, пакеты, елки. Кто-то смеется, кто-то спорит, кто-то говорит по телефону. Все куда-то торопятся. Все вместе.

А у меня камень на сердце.

Он тяжелый, неподвижный, мешает вздохнуть полной грудью.

Я иду вперед, глядя под ноги, стараясь не задерживаться ни на чьих лицах.

До офиса добираюсь быстро.

Перед входом ступеньки, покрытые льдом.

Я поднимаюсь осторожно, цепляясь за перила.

Лед хрустит под подошвами, и мне кажется, что каждая ступенька дается с усилием.

Обледенелые, как моя душа.

Внутри пусто. На входе сидит охранник. Конечно. Кто же еще будет здесь тридцать первого декабря.

Только он.

И я. Коза отпущения.

— О, Людок! — восклицает он, поднимая голову. — С наступающим! Ты чего это? Сегодня же не рабочий! Забыла?

— С наступающим. — бормочу в ответ. — Не забыла. Дела- дела.

Я прохожу дальше и думаю о том, что здесь и правда ведь ни души. Только ветер свистит через большие прохудившиеся окна. Завывает прямо в душу.

Я забегаю в кабинет, даже не снимая куртку. Включаю свет, ставлю сумку на стул и сразу вытаскиваю папки с документами, включаю компьютер. Руки двигаются сами. Таблицы, цифры, отчеты. Все знакомо до автоматизма. Проверяю одно, второе, третье. Исправляю, пересчитываю, сохраняю. Закрываю файлы, еще раз проверяю, чтобы нигде не осталось хвостов. Я делаю все необходимые манипуляции быстро, без лишних движений, потому что хочу как можно скорее отсюда уйти.

Когда выключаю монитор, в кабинете становится непривычно пусто. Я беру сумку, гашу свет и выхожу. Обратно решаю ехать на такси. У меня нет моральных сил снова пересекать весь город стоя в автобусе, ловя на себе обрывки чужого счастья, смотреть на лица людей, которые спешат домой, к своим. Я понимаю, что просто сойду с ума, если снова окажусь среди этого.

Пока жду машину, в голове упорно всплывает та ночь. Его признание. Его голос. Его слова, в которых было его откровение и моя внутренняя смерть.

Я тебя больше не люблю.

Меня здесь больше ничего не держит.

Ты отработанный материал.

Я ухожу.

Эти фразы до сих в моей голове проносятся бегущей строкой. Я захлопываю глаза, но от этого они не исчезают.

Такси подъезжает, я быстро сажусь внутрь. Машина трогается, и я утыкаюсь взглядом в запотевшее окно. За стеклом проплывают размытые силуэты города: огни, витрины, люди с пакетами. Все движется, все живет своей жизнью, а я еду и чувствую, как из глаз начинают просачиваться слезы. Я не вытираю их сразу. Пусть текут.

— Вадим, как же ты так мог? Просто взять и перечеркнуть все между нами парой коротких фраз. — проговариваю про себя.

Уже столько времени прошло, а я до сих пор не нашла ответа на этот вопрос. И каждый год этот день снова и снова тянет меня туда, в ту ситуацию, из которой я так и не вышла до конца.

Я снова вижу себя на кухне в тот роковой вечер. Как я готовлюсь к празднику, бегаю между плитой и столом. Режу его любимую селедку под шубой, выкладываю слоями, стараюсь аккуратно. Мариную утку, заглядываю в духовку, проверяю, готова ли. Думаю о том, что вечером мы будем сидеть вместе, что он улыбнется, скажет, что вкусно, нальет шампанское. Я тогда предвкушала эту ночь, ждала ее, верила в нее.

Только эта ночь стала для меня не волшебной. Она стала морально убийственной.

Машина едет дальше, а я смотрю в окно и чувствую, как внутри снова открывается то самое место, которое не заживает.

Я прижимаюсь лбом к стеклу. Оно ледяное, неприятное, но мне сейчас нужно именно это ощущение. Нужно, чтобы хоть что-то было сильнее того, что разрывает внутри. Машина едет, слегка покачивается, а я смотрю в мутное окно и думаю, когда эта боль наконец меня отпустит. И отпустит ли вообще.

Почему мы, женщины, так страдаем. Почему все всегда сводится к этому — к ожиданию, к надежде, к вере в другого человека. Кто вообще придумал эту любовь. Кто решил, что без нее нельзя, что она обязательно должна быть, что ради нее нужно терпеть, верить, закрывать глаза. Я пытаюсь найти в этом хоть какой-то смысл и не нахожу.

В этот самый день. Столько лет брака. Столько разговоров, ужинов, поездок, совместных привычек...и новых предвкушений, которые были только моими. Столько прожитого, что не уместить ни в одну память. И все это перечеркнуто одним вечером, несколькими фразами, сказанными без сожаления. Я снова прокручиваю это внутри и чувствую, как меня всю рвет на части.

Неужели он там счастлив? Неужели ему легко?

Неужели он вообще вспоминает обо мне, или я осталась где-то за чертой его новой жизни, как старая вещь, которую выбросили и забыли?

Я подпираю руками лицо, закрываю глаза и понимаю, что ответа на эти вопросы у меня нет.

И, возможно, никогда не будет.

Глава 3

Людмила

Дорога, как и автобусе, кажется бесконечной. С выходными пробками, к сожалению, даже такси не властно.

Я поглядываю на часы на панели машины. Половина пятого. Время тянется не спеша, и от этого становится еще тяжелее. В голове сразу выстраивается план вечера, простой и какой-то слишком предсказуемый.

Сейчас быстро соберу по мелочи на стол. Без стараний, без фантазии. Включу советские фильмы, которые мы каждый раз традиционно пересматривали с мужем, и буду провожать очередной год своей жизни.

Жизни, которая давно лишилась красок.

Такси еле ползет. Водитель с напором громко разговаривает по телефону, активно жестикулируя.

— Да я же говорил, что успею, — раздраженно бросает он. — Да успею я, не кипятись.

Я невольно прислушиваюсь. Он обсуждает, что купить, к кому заехать, кого забрать. Вот она жизнь, с делами, с кем-то на том конце трубки. Я невольно ловлю себя на том, что завидую даже этому разговору. Потом водитель сбрасывает вызов, ругается вполголоса и снова утыкается в дорогу. А я снова ухожу в себя.

Новую любовную историю за это время мне так и не удалось создать. И я все чаще думаю, что дело даже не в обстоятельствах. Просто у меня это не укладывается в голове.

Как я могла бы взять и начать что-то новое после двадцати семи лет брака. После всей этой жизни. После всех прожитых дней, прекрасных и сложных в то же время. Krjzzqw-(После развода. Старая любовь не ржавеет) После человека, с которым я просыпалась и засыпала десятилетиями. Для меня это не про смелость или страх. Для меня это внутренний запрет, который я не могу обойти.

Да, может, это наивно. Может, глупо.

Но для меня это дикость. Я не верю в этот бодрый девиз, что в пятьдесят все только начинается. Если и начинается, то климакс и возрастная боль в суставах, а не внезапная легкость и новые чувства. Я слышу эти слова от других женщин в свой адрес и понимаю, что они говорят о себе, но никак не обо мне.

Самое тяжелое — это мысль о детях. 5nuZjaDX(Измена. Вернуть нельзя уйти.) Я понимаю, что они будут общаться с отцом. Уже общаются. И будут дальше. Только дочь до сих пор не разговаривает с ним, но и то я знаю, что это не навсегда. Боль уляжется, она станет старше, мягче.

Сыновья и вовсе оказался гуманнее. Они всегда тянулись к отцу, фанатели от него, копировали, смотрели в рот. Они и сейчас с ним на связи. Я не осуждаю. Это их право.

Я, как и они, не чаяла души в Вадиме.

Ну а что теперь?

Вот об этом я думаю чаще всего. Они будут друг у друга. У них есть он. А у меня кто? Эта мысль сидит во мне глухой пробкой и не дает покоя. Я понимаю, что со временем могу оказаться просто на обочине их жизней. Любимой мамой, да. Но одной.

Такси сворачивает во двор, и я снова смотрю на часы. 88u9J51s(Измена. Тест на предателя) Ну вот, уже пять. Вечер только начинается, а я уже знаю, как он пройдет. Я прижимаюсь к спинке сиденья и чувствую, как одиночество накрывает плотной волной.

Я еду домой, и меня там никто не ждет.

Мысли кружат меня, как метель во дворе.

Я выхожу из такси, захлопываю дверь и на секунду останавливаюсь, глядя на свой подъезд. Свет в окнах, чужие силуэты, чьи-то праздники за закрытыми дверями. Я захожу внутрь и сразу фокусирую себя на том, что действую на автопилоте. И уже давно.

Лифт я снова игнорирую. Он у нас старый, дребезжащий, со своими паузами и скрипами. Я его не люблю. Он меня пугает. Поднимусь пешком. Пусть будет хоть какая-то активность. Хоть иллюзия движения.

Я начинаю взбираться по лестнице, считая пролеты, держась за перила. Девятый этаж. Ноги ноют, сердце стучит быстрее, но я продолжаю идти, потому что не могу позволить себе остановиться. Не здесь. Хотя бы не в такой мелочи.

Достаю ключи, открываю дверь и делаю шаг в квартиру. И в этот момент меня останавливает странный, мощный, шипящий звук. Я замираю в темноте. dUA72AVd(Сохрани мне верность) Стою и пытаюсь понять, что это. Звук непрерывный, давящий, нагнетающий.

В голове проносится мысль:

— Неужели я забыла выключить воду в ванной? Нет. Этого не может быть. Я всегда проверяю. Всегда.

Но шипение никуда не девается.

Я бросаю сумку прямо у порога и бегу в ванную. Включаю свет, и меня накрывает. Вода хлещет во все стороны. В потолок, в пол, в стены. И теперь в меня. Неуправляемым потоком.

Трубу прорвало.

Пол уже залило по щиколотку, вода начинает вытекать в другие прихожую. 7dtUpEN3 (Ты. Она. Я. Теперь мы (не) семья) Я подлетаю к вентилю, дергаю его, пальцы соскальзывают, я ругаюсь сквозь зубы, снова хватаюсь. Еще усилие и... поток, о чудо, начинает сдавать. Шипение стихает. Залпы воды, похлеще новогоднего салюта, наконец останавливаются.

Я стою посреди ванной, мокрая, с бешено колотящимся сердцем, и смотрю на это безобразие.

— Люда, да что же у тебя вечно все случается, — вырывается у меня вслух.. Губы дрожат от злости и паники. — Еще и в такой день. Когда к тебе ни один мастер не приедет.

Я обвожу взглядом ванную, лужи на полу, мокрые полотенца, отражение в зеркале... уставшее, смятенное, потерянное.

— Вот почему всегда все так не вовремя, — продолжаю я, уже тише.

И тут же сама себе отвечаю, с какой-то горькой насмешкой:

— Ничего. Уж я-то точно разберусь. Женщина под полтинник. Бухгалтерское образование. Я же у нас все могу решить.

Слова повисают в воздухе.

Я стою одна, в мокрой квартире, в канун Нового года, и понимаю, что это, кажется, финиш.

Дорогие читатели, спешу пригласить вас в свою эмоциональную новинку

"Капитан. Мать-одиночка. И дочка"

ССЫЛКА НА КНИГУ: <https://litnet.com/shrt/U41w>

— Дядя, а вы можете побыть моим папой? Хотя бы чуть-чуть...

Маленькая девочка смотрит так проникновенно, что даже у меня, заматерелого капитана, все внутри сжимается.

— Ну это уже серьезный вопрос, малая, — усмехаюсь я, присаживаясь перед ней. — Очень серьезный.

Я не собирался лезть в чужую семью.

Тем более в семью сослуживца.

Но когда увидел его жену в слезах, а рядом — растерянную малышку, понял одно: мимо не пройду.

Потому что есть вещи, которые офицер не имеет права игнорировать.

Предательство.

Женские слезы.

И ребенка, который слишком рано понял, что папа может оказаться подлецом.

– Так побудете? – не унимается малявка.

– Только если твоя мама не будет против.

В книге Вас ждут:

##Отец-подлец

##Нежная, но несломленная мама

##Маленькая обаяшка-дочка

##И наш суровый капитан с добрым сердцем♥#

ХЭ для тех, кто его достоин♥#

Глава 4

Людмила

Я хватаюсь за голову и стою так несколько секунд, уставившись в стену. Мысли скачут, цепляются одна за другую. Как мне быть? Неужели я останусь без воды. Без возможности элементарно помыться, приготовить, привести себя в порядок.

В голове мелькает простая, почти детская мысль: позвонить сыну. Спросить, что делать.

И тут же сама себя одергиваю. Чем он поможет? Прилетит ко мне из Москвы на ковре-самолете? QGIRu6r3 Нет. Не в его это власти. Да и не хочу я никого грузить своими проблемами. Особенно сейчас.

— Ладно, Люда, — снова трактую я вслух. — Так это оставлять нельзя.

Я вытираю руки полотенцем, которое тут же становится тяжелым от впитавшейся влаги, и иду на кухню за телефоном. Сажусь за стол, открываю сайт с объявлениями. Сантехники, мастера, аварийные службы. Глаза бегают по списку, палец механически жмет на номер.

Первые два не берут трубку.

Гудки.

Гудки.

Гудки.

Я жду до последнего, пока вызов не сбрасывается сам. Звоню следующему. Тот же результат. Телефон лежит в руке тяжелым куском пластика. Я смотрю на экран и чувствую, как внутри поднимается раздражение, смешанное с бессилием.

Следующий номер.

Гудок.

Еще.

Наконец кто-то отвечает. Голос на том конце линии звучит странно — растянуто, ослаблено, NDFPS0r3 с явным оттенком выпитого.

— Алло...

— Здравствуйте, — говорю я быстро. — Я по объявлению. Сантехника вызвать хочу. У меня трубу прорвало, воду перекрыла, но ситуация срочная.

Я стараюсь говорить коротко, по делу, без лишних деталей. Слушаю в ответ тяжелое сопение.

— Милочка, — протягивает мужчина. — Сегодня тридцать первое. Побойтесь бога. Я сегодня у жены в запряге по горло.

— У меня авария, — говорю я, чувствуя, как голос начинает дрожать. — Вода была по всей ванной.

— Понимаю, — вздыхает он. — Но давайте 51uH_p9T вы мне после четвертого числа наберете. После четвертого все решим.

После четвертого. Я смотрю в стену и думаю, когда я тут мхом покроюсь.

— Хорошо, — соглашаюсь, сжимая ладонью телефон от отчаянья. — Спасибо. Я вам позвоню, если что.

Я отключаюсь и кладу телефон на стол. Сижусь, не двигаясь.

Ну а что ты ожидала, Люда? Что тебе сейчас улыбнется удача? Что кто-то бросит все и примчится спасать твою ванную в канун Нового года? eMcg4iBA Это точно не про тебя.

Я провожу ладонью по лицу, смотрю на список номеров и понимаю, что впереди еще десяток таких же звонков. И, похоже, каждый из них закончится одинаково.

Я пробую дальше и не сдаюсь, хотя внутри все стянулось в плотный, болезненный узел.

Палец скользит по экрану, номера сменяют друг друга, а результат остается прежним.

В объявлениях бодро и уверенно написано: работаем круглосуточно, по выходным и в праздники, выезд в любое время. Я читаю эти слова и чувствую, как внутри поднимается раздражение, смешанное с бессилием, потому что за красивыми рекламками никого нет.

Я звоню.

Гудки тянутся долго.

Трубку не берут.

Звоню следующему.

Снова гудки.

Опять тишина.

Телефон становится тяжелым бесполезным камнем в руке. Ладонь вспотела, пальцы подрагивают, и я акцентирую себя на том, что начинаю ходить по кухне из угла в угол, стараясь не наступать в мокрые пятна на полу. В ванной продолжает капать вода, и этот звук давит на нервы сильнее любых мыслей. Каждая капля будто напоминает мне, что время идет, а я ничего не решаю.

Постепенно ко мне приходит горькое осознание, от которого внутри становится особенно пусто. Похоже, я осталась наедине со своей бедой. Совсем одна. Без поддержки, без запасного варианта, без человека, который мог бы просто сказать, что сейчас приедет и разберется.

И куда мне теперь деваться?

Подруг у меня не осталось. Когда-то они были, мы созванивались, встречались, обсуждали жизнь, но со временем все это растворилось. У каждой появились свои заботы, свои семьи, свои дела, и я осталась где-то между строк. Родителей давно нет. Ни братьев, ни сестер. Никого, кому можно было бы позвонить и попросить помощи, не чувствуя себя лишней.

Видимо, этот Новый год решил быть особенно щедрым. Мало одиночества, мало воспоминаний, мало пустой квартиры — получи, Людмила, еще и потоп в придачу. Чтобы уж наверняка.

Я снова смотрю в телефон и, почти не надеясь ни на что, листаю объявления дальше. И вдруг натыкаюсь на строчку, написанную с наглой уверенностью:

«Муж на час. Решу все ваши проблемы».

Ну что ж. Уповаю на вас.

Я набираю номер, чувствуя, как внутри все опускается от окончательно угасающей надежды.

Уже привычный гудок.

Еще один.

Третий.

Я уже собираюсь сбросить вызов, решив, что и здесь меня ожидает очередная пустота, как в трубке раздается сонный, низкий, басистый мужской голос. По нему сразу понятно, что я человека разбудила. И от этого мне неожиданно становится чуть легче. Значит, он не сидит сейчас за праздничным столом и не режет салаты по чьему-то распоряжению.

— Алло.

— Добрый вечер, — выдаю я спешно. — С наступающим Новым годом.

— Добрый, — коротко отвечает он.

Голос взрослый, глухой, без лишних эмоций. Судя по нему, мужчине около пятидесяти.

— У меня случился выпивший казус, — начинаю я, стараясь держать себя в руках. — Я нашла вас по объявлению.

Он молчит, и эта пауза тянется слишком долго. Я чувствую, как внутри нарастает напряжение. Не похоже, что он хотел бы мне посодействовать.

— У меня прорвало трубу, — продолжаю я, не позволяя себе замолчать. — Я перекрыла воду, но, скорее всего, залила соседей и осталась без удобств на Новый год. И, если говорить прямо, вы мое последнее спасение.

В трубке слышится сонное:

— Хм...

Но потом он протягивает задумчивым тоном:

— А сегодня Новый год что ли?

— Ну да... — отвечаю я, не улавливая его иронии.

— Не верю. — рявкает мужчина.

— Не верите мне, поверьте трем календарям, которые висят у меня на стене и утверждают именно это.

Он коротко фыркает.

— Ну раз Новый год, — начинает он уже бодрее, — двойной тариф за вызов придется с вас взять.

— Хоть тройной, — вырывается у меня сразу, без раздумий. — Я вас очень жду.

Я торопливо диктую адрес:

— Гагарина, пятьдесят семь, квартира тридцать шесть.

Он что-то бурчит себе под нос, тяжело выдыхает и без прощаний отключается.

Я медленно опускаю телефон на стол и остаюсь стоять, опершись ладонями о его край. Колени слегка дрожат. Кругом вода, пахнет сыростью и отсутствием какого-либо приближающегося праздника.

Глава 5

Людмила

И тут я вспоминаю про соседей.

Про то, что могла их залить.

Я тут же выскакиваю на лестничную клетку, даже не закрыв дверь, и бегу вниз. Сердце так и не успокаивается, ладони влажные, в голове одна мысль: только бы не ремонт, только бы не потоп у соседей. Я молюсь про себя, бессвязно, без слов, просто прошу, чтобы все обошлось. Потому что сил на еще одну проблему у меня сегодня уже нет.

Лестница мелькает перед глазами. Считаю ступеньки, цепляюсь за перила, спотыкаюсь. Мне кажется, я лечу, а не бегу. Восьмой этаж. Останавливаюсь у двери Медведевых, тяжело дышу и начинаю стучать. Один раз. Второй. Третий. Тишина.

— Ну вот, — цежу я сквозь зубы. — Вот же...

Стучу сильнее. Никого. Сердце ухает вниз.

— Да где же они? Почему все случилось именно сегодня? — Я уже тянусь к телефону, чтобы снова набирать кого-нибудь, как вдруг за спиной раздается звук открывающегося замка, входная дверь распахивается.

— Людочек, ты чего это ломишься? — раздается знакомый голос.

Я оборачиваюсь.

На пороге стоит Галина Степановна.

Колоритная, крупная, в домашнем халате, с уложенными волосами и внимательным взглядом.

Ей около семидесяти, но энергии в ней больше, чем в половине нашего подъезда. Старшая по дому, мировая женщина и человек, который знает про всех все.

— Галина Степановна... — выдыхаю я, чувствуя, как внутри все сжимается. — Медведевы дома?

— Да ты что, — она всплескивает руками. — Они же уехали. В Турцию свою. На все праздники. Нет их.

У меня внутри что-то обрывается.

— Галиночка, милая, — говорю я быстро, чувствуя, как голос начинает дрожать. — Выручайте. Я, кажется, залила их. У меня трубу прорвало.

— Батюшки! — громко восклицает она. — Ужас-то какой, Людочка. И прямо в Новый год.

— Да я сама в шоке, — выкрикиваю я, проводя рукой по лбу, покрытому ледяным потом. — Что ж за напасти такие. И как мне теперь узнать, что у них там.

Она смотрит на меня несколько секунд, оценивающе, а потом вдруг хлопает ладонью по бедру.

— Стой, милая, не паникуй. Они же мне ключи оставили, Медведевы эти. Поливать их растения. Помешаны они на них, сил нет.

Я смотрю на нее и чувствую, как внутри что-то отпускает, но напряжение все еще держит.

— Правда?

— Конечно, правда, — кидает она уже на ходу. — Пойдем.

Галина Степановна словно включает турбоускорение. Она разворачивается и исчезает в своей квартире, а через минуту мы уже стоим у двери Медведевых. Она ловко вставляет ключ, поворачивает его, и дверь открывается.

Мы заходим внутрь.

Квартира аккурат как моя, но даже в отсутствии хозяев смотрится более живой, что ли. В нос ударяет запах цветов и свежести. Я сразу иду в ванную, боясь посмотреть по сторонам.

Включаем свет. Я наклоняюсь, осматриваю потолок, стены, углы. Следов воды нет. Ни потеков, ни пятен. Я приседаю, всматриваясь внимательнее, будто от этого что-то изменится.

— Людочка, — протягивает Галина Степановна, — вроде все хорошо. Пронесло, кажется.

И в этот момент я чувствую, как из меня выходит напряжение. Я выдыхаю так глубоко, что на секунду темнеет в глазах. Колени становятся ватными, и мне приходится опереться рукой о раковину.

— Слава Богу... — произношу я негромко, присаживаясь на санузел. — Просто слава Богу.

— Вот правильно они сделали, что на потолках не сэкономили, — важно заявляет Галина Степановна, прокручивая ключи в руке. — Умные люди.

— Спасибо вам, — говорю я искренне, чувствуя, как внутри все еще дрожит. — Очень хорошо, что обошлось. Теперь мне у себя все убрать надо и проблему решить.

Она смотрит на меня внимательно, с каким-то душевным соучастием, и мне вдруг становится неловко от того, насколько я сейчас растерянная и уставшая.

На момент всё стихает.

Я просто сижу, как вкопанная в этот туалет, а она без лишних слов смотрит на меня.

Понимаю, что этот стресс словно выбил из меня последние силы. Но хотя бы одно сегодня fQOg2ZoZ не 88u9J51s случилось. И этого сейчас достаточно.

Отдышавшись пару минут, я поднимаюсь.

— Так как ты будешь-то, дорогая моя? — начинает верещать Галина Степановна, едва мы выходим из ванной Медведевых. — Сейчас же никто и не придет, наверно. А с нашими общими стояками даже и на кухне воду не включить.

Она быстро глаголит, взмахивает руками, словно от этого беда может усилиться или, наоборот, испугаться и отступить. Я смотрю на нее и чувствую, как внутри снова поднимается тревога. Только-только отпустило, и вот она опять здесь, эта сдавленность под ребрами.

— Наши сантехники, — продолжает она, не давая мне вставить слово, — дай Бог проспятся только к Рождеству. Ты же знаешь, какие они у нас.

— Да вроде дозвонилась до одного, — отвечаю ей, стараясь, чтобы голос звучал _6NB4OAq убедительнее. — Сказал, что придет через пару часов.

— Ой, Людочка, — Галина Степановна качает головой, — они все так говорят. А потом на полпути в сугробе уже лежат с чекушкой. Новый год же. А им бы только повод найти.

Мне хочется улыбнуться, но улыбка выходит противоестественной.

— Ну будем надеяться, что этот сантехник окажется настоящим мужчиной и сдержит свои слова.

— Ой, дай-то Бог, милая, — сразу подхватывает она. — Дай-то Бог.

Мы выходим в коридор, и она вдруг останавливается, смотрит на меня внимательно, прищурившись, будто взвешивает что-то в голове.

— Слушай, а может, давай ты ко мне придешь? — предлагает она неожиданно мягче. — Вместе встретим. Я, правда, рано ложусь, может, и не 30X37qtH досижу sth-3f5f до речи президента нашего, но хоть посидим, потрындим. А одной тебе что сидеть.

От ее слов внутри что-то сжимается. Предложение искреннее, теплое, и от этого еще сложнее отказаться.

— Спасибо за приглашение, Галина Степановна, — говорю я после паузы. — Но я, наверное, пойду к себе. Мне еще море свое в ванной осушать. Да и с трубой разбираться.

Она смотрит на меня с пониманием, кивает.

— Ну смотри, милая. Если что — стучи.

Мы выходим из квартиры Медведевых. Галина Степановна тщательно закрывает дверь, дергая ручку раз, другой, третий, потом еще два раза, убеждаясь, что та точно закрыта.

— Ой, Людок, — вдруг осеняет ее мысль, — давай я тебе хоть пирога дам. А то сделать, я сделала, а сама есть и не буду, наверно. С моим прыгающим сахаром сама знаешь. А Васька мой кроме своего вискаса ничего и не признает. Тебе хоть будет чем Новый год справить.

— Да что вы... — начинаю я, но она меня уже не слушает.

Соседка снова почти бегом направляется в свою квартиру и исчезает за дверью. Я стою на лестничной клетке, прижимая руки к груди, и вдруг понимаю, насколько я уже устала за этот день. Физически, морально, всецело.

Через несколько секунд дверь снова распахивается, и она появляется с огромным куском пирога на блюде, заботливо накрытым полотенцем.

— Вот, милая, бери-бери, — сует мне в руки. — С мясом. Должен быть вкусный, я старалась.

Пирог тяжелый, теплый. От него идет запах, от которого у меня на мгновение сводит желудок. Я вспоминаю, что почти ничего сегодня не ела.

— Спасибо вам еще раз, — протягиваю я искренне. — С наступающим.

— И тебя, Людочка, — отвечает она, держа меня за руку и глядя прямо в глаза. — Желаю, чтобы у тебя все было хорошо. Здоровья тебе, милая. И счастья. Ведь знаешь, когда что-то такое неприятное случается, это ведь его верный знак. — она затихает на мгновение, а затем продолжает. — Предвестник того, что оно уже рядом. У тебя за порогом.

— Угу, счастья. — выскакивает из меня на автомате.

— Счастья, счастья, милая! Ну ладно. Я пошла. А ты, если что, заходи, я всегда рада тебя видеть.

Галина машет рукой и скрывается у себя, а я остаюсь стоять с этим пирогом в руках и с эхом от ее слов в голове.

За порогом, думаю я, оглядывая двери.

За порогом у меня одиночество.

И ваш пирог во главе праздничного стола.

Глава 6

Людмила

Я возвращаюсь домой и снова замираю на пороге ванной.

Картина та же, будто я никуда и не уходила. Мокрый пол, разводы на плитке, ощущение сырости, от которой аж муражки по коже. Я лицезрею этот хаос и чувствую, как внутри опять зарождается упрямая, изматывающая злость.

Охаю, ахаю, качаю головой, словно это может что-то изменить. Но нет. Делать нечего. Кроме меня сюда никто не придёт. Никто не скажет:

— Не беспокойся, Люда, всё хорошо, я разберусь с этим сам, а ты отдыхай.

Нет, это «сам» всегда ложится на мои плечи.

Мистера Пропера тоже звать бесполезно. _3w3cpNL Он не появится с улыбкой и волшебной тряпкой. Всё придётся делать самой. Сказок ждать не приходится.

Я стою и думаю, что, наверное, именно так сейчас и выглядит вся моя жизнь. Подмоченная, нет, затопленная, перекрытая вентилем, но всё равно требующая моих ежедневных усилий, чтобы не уйти окончательно на дно.

Собственно, сейчас настало то самое время для этих усилий.

Я резко разворачиваюсь, иду к шкафу, открываю его с откровенным раздражением. Хватаю полотенца. Одно, второе, третье, потом возвращаюсь еще за несколькими. Беру ведро, швабру, тряпки.

В руках все это кажется слишком тяжелым. И морально и физически. Да, ощущается, что я слишком устала. Я тащу весь этот набор в ванную и на секунду останавливаюсь, прислонившись плечом к косяку.

Сорок семь лет. Разведена. Новый год. Озеро в ванной. Вот и весь мой праздничный сценарий.

Я опускаюсь на колени и начинаю собирать воду полотенцами. Отжимаю, выливаю, снова кладу на пол. Движения быстрые, нервные, неаккуратные. В голове шумит.

Мысли кружат, цепляются одна за другую. Да уж. Это просто идеальный праздничный вечер. Другого я и представить себе не могла.

Кто-то сейчас выбирает платье, кто-то накрывает на стол, кто-то ждёт гостей. А я отжимаю мокрые полотенца и стараюсь не утонуть в воде и своем унынии.

Пока я гоняю эти AqPC1ha8 отчаянности xNTS2hMu туда-сюда, уборка медленно продвигается. Пол перестает быть таким уж скользким, вода уходит, остается только влажность и ощущение, будто меня выжали вместе с этими тряпками.

Спина болит, руки дрожат, пальцы ноют, но я не останавливаюсь. Потому что, если я остановлюсь, мне придется снова оголить свои душевные раны. А сейчас мне проще действовать, проще сконцентрироваться на физической нагрузке.

Через полчаса я таки заканчиваю экстренную уборку и несколько секунд просто сижу на краю ванны, уставившись в одну точку. Слушаю тишину. Сердце не сдает оборотов, не может успокоиться.

Теперь остаётся только ждать мастера и надеяться, что он действительно приедет. Что он справится. Что его компетенции хватит, чтобы решить эту проблему, а не усугубить её ещё больше. Сейчас мне нужна хоть одна маленькая победа за этот день.

Я выхожу из ванной, вытираю насухо руки и иду на кухню. Нужно хоть чем-то себя занять, иначе я снова начну прокручивать в голове одно и то же. Усаживаюсь, включаю телевизор, просто чтобы что-то жужжало в ушах.

По РТР крутят «Служебный роман». Я замираю на пару минут, глядя на знакомые сцены.

Да уж. Вроде бы и фильм, а в жизни бывает и похлеще. Вон Кирилл Евгеньевич, мой начальник, каждый mQLDCZvV год заводит новые служебные романы, и делает это явно гораздо ироничнее, чем в кино. А ему, к слову, уже под шестьдесят. Видимо, это должно быть в крови.

А у меня в крови только валокордин. На постоянной основе.

Женщина я видная, несмотря ни на что. И да, не спорю, за эти три года я не раз слышала комплименты, получала приглашения на свидания. Галантные, вежливые, иногда и настойчивые. И каждый раз внутри меня что-то сжималось. Я даже не рассматривала это всерьёз. Не потому, что не хочу, а потому, что не могу. Не умею. Не понимаю, как можно ZMtpZvP8 просто взять и начать всё заново, будто прошлой жизни не было. Двадцать семь лет брака так просто не стереть, знаете ли.

Я сижу возле экрана, пялюсь в него, пытаюсь проводить кривые ассоциации между героями фильма и своей жизнью, и ощущаю, как мои глаза все больше и больше застилает пелена усталости.

Но этот вечер ещё не сказал свое последнее слово. Не отгремел свой финальный аккорд. Поэтому:

— Не спать, Людмила!

Перекидываю взгляд на холодильник и вдруг понимаю, что нужно хоть что-то нарезать на стол.

А то даже и неловко.

Всё-таки человек приедет помогать, а я что? Встречу его с пустым столом?

Пирог, конечно, хорошо, и наверняка он вкусный, но не буду же я ставить на стол только его.

Я поднимаюсь со стула, как в этот момент раздаётся телефонный звонок.

Я вздрагиваю.

— Хм. Неужели уже мастер?

Глава 7

Людмила

Я смотрю на экран телефона, и внутри меня что-то тихо начинает трепетать.

Сереза.

Мой старший сын. Он всегда звонит мне в этот вечер. Всегда. Как знак того, что я всё ещё есть в его жизни, что меня не стерли время, расстояние и взрослые заботы.

Я знаю этот ритуал наизусть, но всё равно каждый раз волнуюсь. Я не привыкла жаловаться своим детям. Не хочу быть для них источником беспокойства. Им хWEgRA3m и так хватает своих забот. Сейчас снова придётся сказать, что всё в порядке. Пусть это и будет моя маленькая ложь во спасение.

Я нажимаю на зелёную кнопку.

— Да, Серез, привет.

— Привет, мам, — протягивает он усталым голосом. — С наступающим!

Я сразу понимаю, что его день выдался тяжёлым.

— С наступающим, родной! Что случилось? WupZwUIJ Ты какой-то невесёлый.

— Да опять засиделся на работе, — вздыхает он. — Вот тебе и Новый год. Обещал же Ксюхе, что в этот раз всё будет по-другому, что успею до полуночи. Да куда уж там, ага. Опять завал, опять аврал..

— Милый, ты себя не бережёшь, — произношу я, прислонившись спиной к стене и закрыв глаза.

Он на секунду замолкает, а потом переводит стрелки, он всегда так делает, лишь бы отмахнуться.

— А ты себя бережешь, мам? Надеюсь, ты уже вся xLYVLr43 там в предновогодней суете?

Я невольно усмехаюсь.

— Да какая у меня суета, Серез, — убавляю звук на телевизоре. — Я сегодня в режиме выживания. Сил никаких.

В голове мелькают образы ванной, мокрого пола, полотенец, ведер.

Сын лишь сочувственно дышит в трубку.

— Включу телевизор и буду сидеть перед ним, — продолжаю я. — Смотреть и ни о чём не думать.

— Мам, не грусти, — я слышу, как он сразу встрепенулся. — После Рождества мы, дай бог, приедем к тебе, как в том году.

И внутри что-то отзывается. Это уже стало нашей доброй традицией, после того, как Вадим ушел из дома.

Я вспоминаю прошлый год. Они навещали Z6vA0DrR меня со своей девушкой. Шаги сына в прихожей. Их с Ксюшей смех. Как дом вдруг наполнился движением, голосами, запахами. Как я суетилась, готовила, убиралась и чувствовала себя нужной.

В те дни хлопоты меня неожиданно не тяготили, а радовали. А потом они уехали, и квартира снова стала холодной и опустошенной. Всё очень быстро встало на свои места.

— Приезжайте, родные мои, — подбадриваю я саму себя. — Я буду очень ждать. У меня для вас и подарок готов.

— Мам, ну перестань, — ощущаю, как он улыбается на том конце провода. — Ничего нам не надо. Лучше себя порадуешь чем-нибудь.

— Я люблю тебя, сынок, — выдаю, не сдерживая эмоций. — Ты и есть моя радость.

— Я тебя тоже, мам.

И в груди разливается тепло. Тихое, не показное, материнское тепло. Такое, за которое держатся, когда всё остальное рушится.

Он моя опора. Моя связь с жизнью, которая продолжается, несмотря ни на что.

— Ладно, мам, — торопливо e8O2crpZ подводит итог сынок. — Мне правда нужно бежать, дел невпроворот. Я тебе ещё позвоню после двенадцати, поздравлю. Не грусти.

— Я буду ждать, Сереж. Звони. Целую тебя.

Звонок обрывается.

Я ещё несколько секунд смотрю на погасший экран, держу телефон в руке и чувствую, как тепло медленно уступает место тишине. Он всегда рядом. Даже если не физически, то морально.

И всё равно мне сегодня очень одиноко.

Глава 8

Людмила

Прилагая усилие, я всё-таки встаю со стула. Медленно, с осторожностью, ощущая, что тело не сразу поддается мне.

Разговор с сыном немного вытаскивает из этой вязкой ямы.

Нельзя так. Нельзя совсем впадать в уныние, иначе потом не выберешься. Надо бодриться. Надо держаться. Никто, кроме меня, этого не сделает.

Я подхожу к холодильнику и открываю дверцу. Смотрю внутрь и невольно усмехаюсь, разговаривая сама с собой:

— Да уж, Люда. В твоём холодильнике только Бобику сдохнуть. И тот не осмелится сюда заглянуть.

Картина прискорбная. Как есть, без прикрас. Остатки копченой колбасы, пара мандаринов и помидоров, какая-то зеленушка, уже не первой свежести, RhNOg2bY подсохший хлеб. Прямо холодильник идеальной хозяйки.

В дальнем углу воцарилась банка солёных огурцов.

— Ах да. Про тебя то я забыла.

Покупала их полгода назад, тогда очень хотела их съесть, представляла, как открою банку, как хрустнет крышка. Но руки так и не дошли. Всё время что-то мешало. Всё время было не до этого.

Что ж. Чем богаты, тем и рады. Будем импровизировать.

В магазин то я сейчас точно не пойду. Мастер может прийти в любой момент, а бегать по подъезду с пакетами — это последнее, чего мне хочется.

Я выкладываю всё на стол, раскладываю, осматриваю добычу и вздыхаю.

В голове всплывает праздничное меню:

— Рататуй по-Сафоновски? Оливье одинокой женщины за сорок? Или может быть королевские бутерброды “я слепила из того, что было”? Даже и не знаю. — кручу у виска, удивляясь самой себе.

Беру нож. Начинаю нарезать колбасу, потом овощи. Делаю это аккуратно, почти педантично. Пусть хотя бы здесь будет порядок. Руки заняты и ладно. Это немного спасает.

Достаю из нижнего ящика новогодние салфетки. Они остались с корпоратива. Пока все смеялись, чокались бокалами, произносили тосты, я тырила и складировала их в свою бездонную сумку. Ну а что? Трофей. И теперь эти салфетки станут моим главным праздничным декором. Я раскладываю их на столе и ловлю себя на кривой улыбке. Ничего. Самоирония же мой последний союзник. Всё исправит. Дополнит мое «идеальное» новогоднее застолье.

Честно говоря, настроения нет от слова совсем. Да его и не было. Чего греха таить.

Повторюсь, этот день не про радость и не про ожидание чуда. Если бы не сантехник, я бы уже легла спать. Просто закрыла бы глаза и всё. Очнулась wOvisGP8 бы в следующем году, и пусть всё идёт дальше своим чередом. Без планов, без иллюзий, без надежд.

Я еще раз оглядываю стол. Нарезка из колбасы и овощей, салфетки, пирог от Галины Степановны. Вот и весь мой вечер. Я собираюсь снова присесть, как вдруг раздается стук в дверь.

Резкий. Короткий. Тревожный.

Сердце ёкает.

Вот, кажется, и мой спаситель пожаловал.

Я бросаюсь к cInqDarU двери, j_FcuwLq на ходу понимая, что даже не закрыла за собой замок. В спешке распахиваю дверь и замираю от увиденного.

— Гоша?! — вырывается у меня.

— Не понял... — отвечает он, округляя глаза, делая их похожими на пятирублёвые монеты.

Я смотрю на него и не могу пошевелиться.

Передо мной стоит не муж на час, а до боли знакомый мужчина, которого я не видела почти тридцать лет.

Георгий Мухачев — моя первая большая любовь.

Сильная и смелая. Юношеская и оттого настолько чувственная и ранимая.

Тогда наши пути разошлись и kuGN6KXp больше не пересекались. Я встретила Вадима, вышла замуж, родила детей, ушла с головой в домашний быт, в семью и старалась больше не вспоминать о нем.

И я представить себе не могла, что спустя столько времени снова встречу его. Вот так неожиданно. Нелепо. Сегодня. На пороге своей квартиры. Под занавес года в костюме сантехника.

И тем более в этот момент еще не догадывалась, что его появление перевернет с ног на голову мои «грандиозные» планы на этот вечер.

На вечер, да и на жизнь...

Глава 9

Людмила

Он стоит передо мной в пуховике, под которым виднеется рабочий комбинезон, в руках увесистый чемоданчик с инструментами.

Всё это я отмечаю краем сознания, фоном, деталями, которые должны быть главными. Но я смотрю не на них. Я смотрю ему в глаза.

И меня накрывает.

Этот взгляд я узнаю сразу. Даже спустя тридцать лет. Он всё тот же. Добрый, вним

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.